

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
Часть I. Стая.....	23
Часть II. Вылазка.....	81
Часть III. Пробуждение.....	167
Часть IV. Скалогорье.....	243
Часть V. Обретение	315
Эпилог	410
Благодарности	412

Посвящается всем библиотекарям и книготорговцам,
которые с каждой отданной читателю книгой
распространяют любовь, обогащают жизнь и делают
мир лучше. Я за вами присматриваю.

И моему кузену Крису. Те дни детства, что мы
провели вместе, навсегда останутся в памяти.
Спасибо, что был лучшим товарищем по играм

*Огненный ветер, кружи в вышине,
В небе сияйте, слова заклинанья,
За взмахами крыльев, за звоном монет,
Чрез холод и глубь потаенных пещер,
Драконье племя, слушай мое закланье:
Да сгинет навеки господство драконов
И матери ваши подобных себе
пусть не плодят во веки веков.
Чтоб ни один драконий детеныш
Не увидел рассвета до скончанья времен.*

Заклинанье Валы, ведьмы теней,
в 400 год эпохи Истребления драконов*

* Перевод Новоселецкой И.

Магия не может умереть.

Она прячется от преследователей.

Меняет форму при попытке ее подавить.

Увертливая, будто угорь, таится, ускользает, крадется сквозь тени, мрак и свет, укрываясь в самых неожиданных местах, и тихо ждет, пока не придет время.

Время зашевелиться, скинуть оковы сна и проявить себя.

Расправить крылья, поймать ветер и воспарить в небеса.

Как росток, она возникает из единственного маленького зернышка. Искры жизни. И начинает расти, цвести, бороться и тянуться к солнцу.

Сперва одна крупница.

Затем другая.

Третья.

И вот уже их множество.

Магия не исчезла. Она просто спала.

А теперь просыпается. Возродившись. Став сильнее, чем прежде.

Готовая начать все сначала.

ПРОЛОГ

АШИЛЬД

Скалогорье

*Спустя семьдесят семь лет
после Великого побоища*

Н ебо было красным, цвета крови.

Она летела по необъятному пространству, мощными взмахами темных крыльев взбивая красноватый воздух, который, будто бы в насмешку, слишком походил на кровь, вызывая мысли о еде, о большом вкусном куске мяса, исходящем соками, поддающемся под ее клыками... Она отчаянно жаждала его, хотя — вот уже второй день подряд — возвращалась домой ни с чем. Есть было нечего. И желудок просто вопил от голода.

Она ничего не нашла.

Негустой туман был почти прозрачным, будто вода. В обычных обстоятельствах, учитывая столь скудное прикрытие, она никогда не покинула бы логова, и уж точно не до наступления темноты, однако голод стал слишком силен. Настолько, что заглушал все мысли об

осторожности. Он требовал утоления, поэтому она решила рискнуть и показаться на глаза врагу.

Порой только рисковать и оставалось. И Ашильд, затаив дыхание, ринулась навстречу опасности, мчась быстрее ветра и надеясь на благополучный исход.

Она приземлилась на холодную скалу, прижала к телу кожистые крылья и принялась спускаться по извилистому туннелю глубоко-глубоко в недра земли, в бесконечную шепчущую тьму. Зрачки постепенно расширялись, привыкая к отсутствию света.

Внутри горы приятный влажный воздух ощущался на остывающей коже будто иней. Как морозный поцелуй, ледяная рука, обжигающее дыхание.

Она двигалась плавно и быстро, будто разворачивающаяся по полу лента, стремясь поскорее увидеть, прикоснуться, обнять, вдохнуть запах плоти, которая, несмотря на все различия, пахла так похоже на ее собственную.

Именно это поддерживало ее, когда все остальные обстоятельства требовали сдаться, покончить с жизнью и присоединиться к мертвым собратьям, к погибшему супругу, к сотням сгинувших драконов.

Туннель сузился, и теперь она с трудом протискивалась вперед, хотя и с большей легкостью, чем прежде, — Ашильд изрядно похудела, и истощенные сухожилия болтались на костях, как трепещущие паруса. В конце концов проход вывел ее в логово, пол которого покрывал мягкий мох.

Дом.

Его маленькое личико Ашильд увидела сразу. Ковыляя, он направился к ней, и ее сердце с легкостью воздушного пузыря вспарило вверх. Его улыбка, придававшая смысл ее существованию, стоила любого риска. И всех пропущенных приемов пищи — до тех пор, пока от голода урчал только ее желудок.

Эта радостная улыбка давала ей силы двигаться вперед даже после того, как она потеряла все: свою стаю, пару, процветающее будущее, в котором драконы имели возможность свободно вылетать из логова и возвращаться обратно. Несмотря на мучительную, неотступную боль от утраты Сигурда... у нее остались *они*.

Подбежав к Ашильд, мальчик, голова которого не доставала даже до колен драконицы, обнял ее маленькими ручками. Она наклонилась, утыкаясь носом в его блестящие черные локоны, так похожие по цвету на ее кожу цвета оникса.

Несмотря на их отличия и внушительную разницу в размерах, этот малыш вовсе не был хрупким ребенком, готовым согнуться от первого порыва ветра. Сердце затопило материнской любовью. Человеческие дети и близко не обладали крепостью или выносливостью ее сыновей, ну и, конечно, сама Ашильд считала их самыми красивыми на свете.

Ей доводилось видеть издалека человеческих детей, хрупких, как ракушки на берегу, но было это много десятилетий назад — так много, что уже и не сосчитать. В те времена она безопасно могла летать куда угодно, подставлять кожу солнечным лучам, парить над людскими деревнями, не прячась от глаз их обитателей, и любоваться всеми красотами необъятного мира, ведь ничто не представляло для нее опасности. Не существовало оружия, способного нанести ей вред. В те дни ее связь с Сигурдом была крепка, да и сама она обладала силой, которая в нынешнем ослабленном состоянии могла ей только снится.

Ашильд заглянула в корзинку, где хранились запасы еды: всего две груши и несколько одиноких ягод. Пусть стоявший перед ней ребенок внешне походил на чело-века, он обладал аппетитом, присущим новорожденно-му дракону, а потому ей постоянно приходилось охо-

титься или попросту воровать еду, следя, чтобы запасы в корзинке не иссякали.

Она с болью в сердце посмотрела на свои пустые когти. *Завтра*. Больше никаких неудач. Завтра она вновь отправится на охоту и непременно найдет еду. Что-нибудь посущественнее фруктов. Возможно, мясо или орехи.

Или...

Неужто время пришло?

Ашильд тяжело слотнула. Видимо, пора решиться на то, чего она поклялась никогда не делать. К этому все и идет.

Судя по всему, ей придется присоединиться к одной из оставшихся стай, скрывающихся в самом сердце Скалогорья. Там обитали по крайней мере две группы драконов, и, пусть численность их неуклонно сокращалась, они еще держались, как последние листья, уцелевшие на ветке вопреки приходу зимы. Может, сохранились и другие стаи, настолько хорошо научившиеся прятаться, что даже Ашильд не знала об их существовании.

В начале ее добровольного изгнания еды было более чем достаточно, однако постепенно дичи вокруг становилось все меньше, и теперь перед ней открывался лишь суровый заснеженный пейзаж. Ашильд полностью опустошила окружающую местность, но улетать дальше не осмеливалась. Она и так пропадала слишком часто и чересчур многим рисковала.

Прижавшееся к ней маленькое теплое тельце дарило утешение, побуждало ее бороться за жизнь, существовать. Его глаза — серебристо-серые, напоминавшие туман, который окутывал пики Скалогорья, — так походили на отцовские. При воспоминании о Сигурде сжалось сердце. Он погиб. Исчез два года назад вскоре после рождения сына, и в душе Ашильд на месте свя-

зывавших ее с ним уз осталась зияющая дыра, незаживающая рана, которая кровоточила до сих пор.

Однажды утром Сигурд улетел на охоту. Она до сих пор ощущала его теплое дыхание, когда он на прощание потерся носом о ее щеку, видела блеск глаз цвета инея, радужное мерцание сияющей чешуи... Миг спустя он повернулся и исчез из логова.

Из ее жизни. Растаял, будто туман, и больше не возвращался.

Ашильд знала: Сигурда больше нет, он погиб. В противном случае никто и ничто не удержало бы его вдали от нее. Она физически ощутила, как разорвалась, навсегда исчезла их связь. В тот момент грудь ее пронзило болью, выбившей весь воздух из легких и заставившей рухнуть на пол прямо посреди логова.

Однако...

Присоединение к стае, помимо возможности получить защиту и ресурсы, означало, что ей придется взять другого партнера, образовать с ним пару и завести потомство, чтобы восстановить сокращающуюся численность драконьего рода — цель, которой она так и не смогла проникнуться.

К горлу подступил ком. Последние два года Ашильд, не желая платить столь высокую цену, сама заботилась о себе и сыновьях, жила болью от потери связи с Сигурдом и ни к кому не обращалась за помощью.

Хотя на то имелась и еще одна причина. Она посмотрела на мальчика, весело суетящегося у ее ног. Примут ли его драконы? Наверняка некоторые сочтут ее сыновей отклонением от нормы, оскорблением драконьего рода и старых обычаев.

Пока малыш дергал ее за ногу, требуя внимания, Ашильд обвела взглядом логово. Знакомые кучки блестящих драгоценных камней и золота, сложенные вдоль

дальней стены, походили в полумраке на отблески костра и согревали душу. Хоть они у нее остались. Когда накатывала слабость от недостатка пищи, Ашильд цеплялась за накопленную с их помощью энергию.

От созерцания логова ее отвлек резкий звук, эхом донесшийся из глубины горы. Вот он повторился.

И еще раз.

Теперь она отчетливо слышала глухие отрывистые удары, которые следовали один за другим в ритме ее учащающегося сердцебиения... похожие на топот приближающихся ног.

Внутри все сжалось, однако Ашильд медленно повернулась к входу в логово и расправила крылья, готовая защищаться.

Она затаила дыхание, надеясь, что все еще обойдется. Но звуки не смолкали, напротив становясь громче и энергичнее.

Теперь сомнений не оставалось: к ее жилищу приближались тяжелые шаги. Ее враги могли в любой момент возникнуть из темноты.

Она взмахнула дрожащими крыльями и чуть приподнялась в воздух, чтобы казаться крупнее и внушительнее.

Видимо, ее сегодняшний вылет из логова не прошел незамеченным, и враги, охваченные жаждой охоты, последовали за ней. Ее страх, вечно оставлявший неприятный привкус во рту, превратился в реальность, и уже нет смысла злиться на себя или ругать за беспечность, глупость, слабость. Рано или поздно это должно было случиться.

Ашильд встопорщила обсидианово-острые шипы вокруг морды, готовясь биться, защищаться, противостоять неминуемой угрозе.

Это ее последняя битва... конец.

И вот воины столпились у входа в логово. Дюжина смердящих мужиков, сжимая оружие в потных кулаках, пронзали острыми, будто ножи, взглядами ее саму и ее логово с лежащими в нем сокровищами. Все до одного — алчные, кровожадные твари.

И они еще считали монстрами драконов! Люди — вот кто истинные монстры — истребляли ее сородичей, намереваясь стереть все драконье племя с лица земли. И даже считали, что им это удалось. Только поэтому драконы, которые сумели выжить, до сих пор оставались в безопасности. Эта же уверенность последние несколько лет оберегала ее саму.

Люди, довольные своей победой, раздулись от гордости, как насытившиеся кровью клещи, и перестали их искать, а в Скалогорье осмеливались подыматься только ради охоты за сокровищами, реликвиями, оставшимися от сгинувших драконов. Этим просто повезло, что она попала им на глаза.

А ей, напротив, — не повезло.

Холод горькой волной прокатился по телу. Открыв пасть, Ашильд издала рев, от которого содрогнулась гора, предупреждая всех драконов в пределах досягаемости, что один из их вида попал в беду. Впрочем, ей они все равно не помогли бы — просто не *захотели бы*. Но даже если бы кто-то из них оказался достаточно близко и решил проверить, что к чему, он не сумел бы добраться до нее вовремя.

Мальчик захныкал, сжавшись в дрожащий комочек у ее ног. Никогда прежде он не видел мать такой, не слышал ее рева, вылетающего из полной зубов пасти.

Впереди группы воинов стоял мужчина, на вид старше прочих, со множеством седых нитей в каштановой бороде. Довольно крупный для человека, грудь что бочонок, ноги — как стволы деревьев. Остальные

недвижимо застыли позади него, явно потрясенные встречей с Ашильд.

Седобородый, однако, не выказывал ни удивления, ни тревоги. Он скорее казался... довольным, как будто только что наткнулся на сокровище, на чудесную шахту, запрятанную в недрах Скалогорья, полную драгоценных камней. Наверное, в каком-то смысле так оно и было. За спиной Ашильд лежали груды драгоценностей, которые на протяжении многих поколений принадлежали ее семье. Однако воина явно интересовали не только они. С блеском в глазах он взирал на самую Ашильд, несомненно видя в ней трофей. Еще бы — живой дракон, которого здесь быть не должно, один из тех, от кого остались лишь смутные воспоминания, легенды, передаваемые шепотом истории, которые уже никто не воспринимал всерьез.

— Хорошо, что я еще ношу это, — прорывал он, сжимая толстыми ручищами рукоять боевого топора, и рассек костяным лезвием воздух, будто проверял его на прочность.

Уже давно Ашильд не видела оружия, вырезанного из драконьей кости, — со времен Великого побоища, последней битвы эпохи Истребления драконов, в которой пало множество ее сородичей: отец, мать, бабушка с дедом, почти все члены ее стаи. Им с Сигурдом удалось спастись вместе с небольшой группой выживших. После они прятались, избегая людей с их ненасытными волками... позволяя тем думать, что драконы исчезли. Вымерли. Стерты с лица земли. Они укрылись в самом сердце Скалогорья, притушили свою магию, создавая у людей иллюзию победы.

Воин опустил взгляд, и при виде ребенка, съежившегося у ее ног, лицо его на долю секунды смягчилось. Само собой, он, как и все, принял ее сына за обычного

мальчика, не заметил его истинной сути, не понял, что перед ним дракон, такой же, как и Ашильд.

Он видел обычного ребенка. Человека.

Что не так уж и плохо. Они не станут убивать того, кого считают одним из своих. Если с ней что-то случится, малыш будет в безопасности до тех пор, пока они не поймут правду.

— У нее ребенок, мой лорд! — указал пальцем один из воинов.

Седобородый — судя по всему, важный человек, обладавший положением и властью, — кивнул.

— Да. Осторожней, чтобы она не причинила мальчику вреда...

Забыв о мимолетном облегчении, Ашильд вскипела от ярости. Да неужели она могла навредить *собственному* сыну? Представляла для него угрозу? Была опасна, как гнойная болезнь? Умом-то она понимала, что эта их вера — залог безопасности малыша, но все равно возмущалась до глубины души.

Ашильд вытянула шею и снова зарычала. Этот звук, на несколько мгновений оглушив воинов, отразился от стен логова и выплеснулся за его пределы, покотившись по извилистым туннелям горы.

Сын с безумными глазами метнулся к дальней стене пещеры и принялся беззвучно всхлипывать. Его ребра заметно выступали под натянутой кожей, бледная грудь тяжело вздымалась и опадала.

Ну и хорошо, что отошел. Пусть воины и не желали мальчику зла, он все равно был в опасности. Несчастные случаи, особенно во время схватки, никто не отменял.

Миг спустя один из людей бросился на нее, другой метнулся к ребенку. Ашильд развернулась и, описав хвостом дугу, впечатала нападавшего в стену. Послы-

шался приятный хруст, брызнула кровь. Походя она сбила с ног второго, а после довершила дело, опустив на него огромную когтистую лапу и с легкостью раздавив ему череп, как дыню.

Итак, один мертв. Другой, влетевший в стену, оглушен и выведен из строя... хотя, возможно, тоже мертв, если судить по остекленевшим глазам.

Но осталось еще десять. Слишком много.

Тем более что воины, наученные горьким опытом, больше не стремились наступать поодиночке.

С боевыми криками они дружно набросились на нее. Слишком много сразу, даже несмотря на ее силу и огромные размеры, однако Ашильд не собиралась сдаваться без боя. В прежние времена, будучи моложе и сильнее, она, возможно, даже справилась бы с ними, но теперь, ослабев из-за потери партнера и недостатка пищи, намеревалась хотя бы кого-то потрепать.

Они обрушились на нее огромной волной, навалились все разом, принялись карабкаться по телу, нанося удары, вонзая мечи всюду, куда дотягивались их стальные клинки. Однако все раны были несерьезными — со временем заживут.

Рева и извиваясь, Ашильд кружила по пещере, сбрасывала нападавших... Однако после очередного разворота наткнулась прямо на лезвие. Не стальное, нет. То самое, которое *могло* смертельно ее ранить.

Вот она, ее погибель: не сталь, даже не меч — топор из драконьей кости. Именно таким оружием поражали драконов в эпоху Истребления. А теперь, после стольких лет, смерть настигла и ее. Лезвие вонзилось глубоко в грудную клетку. Кость соприкоснулась с костью.

Ашильд замерла, глядя прямо на главного воина, своего палача. Его глаза казались столь глубокими, без-

донными, что она тонула в них, погружалась, словно в трясину, затягивавшую ее на дно.

Потом драконица взглянула на застрявший в теле топор. Из раны струилась кровь, мерцающая пурпуром вокруг белого, как мел, лезвия, оставляя на нем дорожки.

Воин радостно оскалился и поудобнее перехватил рукоять; на его губах пузырилась слюна, попадая и на бороду. С торжествующим рычанием он вонзил лезвие глубже, дробя кость, раскалывая на части, раскрывая ее грудную клетку.

В ушах зашумела кровь, походя на рокот далекой реки. Ашильд взглянула вниз, на мерцающую фиолетовую жидкость, которая, словно вода из дырявого бурдюка... вытекала из ее тела. Ей вдруг стало холодно. Холоднее, чем в самую лютую зиму на ее памяти. Она открыла пасть, чтобы снова зарычать, но на этот раз из горла вырвался лишь жалобный писк, тихий и слабый, как у дрожащей мыши. Дыхание слабело, и вскоре Ашильд уже судорожно хватала воздух.

Воин растянул губы в улыбке, и морщинки вокруг его глаз собрались складками, стали глубже.

— Твое время истекло. Нет смысла сопротивляться. Тебе конец.

У нее подкосились лапы, не в силах больше держать столь крупное, массивное тело, и Ашильд с глухим стуком рухнула там же, где стояла. Земля под ней сразу стала влажной, напитавшись вытекающей из ран кровью.

Воин рванулся вперед и удивительно ловко для столь немолодого мужчины вскочил ей на спину. Воздух вырывался из ее открытой пасти, паузы между вдохами становились все длиннее.

Она уже не могла ни бороться, ни сопротивляться, ни просто двигаться.

Тело обмякло, сломалось, не способное больше ей служить.

Даже веки казались налитыми свинцом, но Ашильд из всех сил старалась держать глаза открытыми. Воин потянулся вперед и вцепился в один из шипов вокруг морды, дернул за него, вынуждая запрокинуть голову, обнажая самую уязвимую плоть. Одним рывком сорвал с ее шеи ожерелье. Блеснул черный опал, который подарил ей Сигурд. Вот и еще одно украшение сгнуло, потеряно навсегда.

Ашильд не закрывала глаз, понимая, что это конец. Как он и сказал... ее время истекло.

Ее, но не ее племени.

Они выжили. И будут продолжать жить.

На нее внезапно снизошел покой. Ашильд словно бы стала легче, бодрее, воспарила над собственным телом. Она блуждала взглядом по алчным лицам воинов, которые, с диким блеском в глазах вцепившись в рукояти оружия, ничем не отличались друг от друга.

Наконец она увидела, что искала, — своего ребенка. Малыш явно выглядел сбитым с толку, и Ашильд, глядя прямо на сына, пожелала ему не бояться, попыталась передать силу и уверенность в том, что все будет хорошо.

С ним все будет хорошо.

Даже без нее он вырастет сильным и смелым.

Ее все сильнее охватывало умиротворение, растекаясь по всему телу, проникая во все клеточки, заполняя пустоты и заглушая боль.

Его образ — последнее видение в жизни — она заберет с собой, и осознание этого дарило удовлетворение, пусть даже ему пришлось стать свидетелем ее убийства. Ашильд лишь надеялась, что время будет к нему милостиво и сотрет из детской памяти эти вос-